

Г.Н. Старикова, Лю Си

ГРАФИКА БЫТОВЫХ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ В АСПЕКТЕ КОНФЕССИОНАЛЬНОГО ТРАДИЦИОНАЛИЗМА

Обосновано введение графической проблематики в сферу лингвистических исследований. На материале двух томских старообрядческих дневников (1915–1923; 1956–1975 гг.) выявлены отраженные в них черты позднего сибирского полуустава, показана их эволюция под влиянием скорописи и гражданского алфавита. Тип письма, набор используемых в текстах графических средств рассмотрены как одно из проявлений конфессионального традиционализма, идентифицирующего данное сообщество.

Ключевые слова: графика; поздний полуустав; традиции письма; старообрядчество; конфессиональность.

Введение в проблему

Древлеправославие представляет собой особый тип конфессионального единения, не утративший после многовековых притеснений и прямых гонений своей самобытности и в современных условиях глобализации. Д.С. Лихачёв, называя его «удивительным явлением русской жизни и русской культуры», подчеркивал, что «своим упорством, своей приверженностью к старой Вере старообрядцы сохранили древнюю русскую культуру: древнюю письменность, древние книги, древнее чтение, обряды древние», замкнувшись во всём старом [1]. Неприятие церковной реформы и «правленных» текстов заставило их продолжить традиции книжного рукописания, имеющего место также в настоящее время, несмотря на существование старообрядческих типографий. Одновременно они не приняли и реформу графики начала XVIII в., объявив гражданскую азбуку «антихристовой» и допуская использование ее скорописного варианта только в бытовых записях. Приверженность старой графической системе («кирилловской»/«кириллической») позволила им не только сохранить эстетику древней книги, но и выработать новые черты книжного письма, имеющие локальные особенности, – в частности специалисты выделяют полуустав поморский¹ и гуслицкий².

Указанные обстоятельства объясняют вполне закономерный и понятный интерес представителей многих наук к староверию разного толка в целом и староверческим традициям книгописания в частности. По мнению С.В. Бураевой, «сохранение рукописной традиции в среде российского старообрядчества XVIII–XX вв., несомненно, можно назвать одной из определяющих черт его духовности» [3. С. 3]. В свою очередь, Е.Е. Дутчак отмечает, что «открытость общины внешнему миру, сопровождающаяся утратой многих характерных черт старообрядческого уклада, прямо зависит от уровня сохранности “живой” книжной традиции» [4. С. 26]. Она же добавляет: «Многоплановость функций, которые выполняет для старовера кириллический текст (древний и новый), превращает его в реального организатора и регулятора жизни общины» [4. С. 31].

Книжно-рукописные традиции последователей «древлего благочестия» активно изучаются в последние годы историками, культурологами, археографами,

филологами (литературоведами) [3–6] – прежде всего со стороны содержания текстов. Художественному оформлению старообрядческих книг и особенностям их письма посвящены исследования искусствоведов [2, 7] и палеографов [8]. Вовлечение в графическую проблематику лингвистов обусловлено различием задач, решаемых разными специалистами на этом материале, что отмечает В.А. Есипова: «При том, что их интересуют схожие (а порой одни и те же) факты, для лингвиста важно в первую очередь оценить тот или иной факт с точки зрения отражения лингвистических явлений на письме и соответствия нормам языка изучаемого периода. Палеограф же интересуется эволюцией графики письма в первую очередь как возможностью для датировки, независимо от того, насколько исследуемое явление соответствует современным ему языковым нормам» [8. С. 46–47].

Это мнение выражено и в работах Б.И. Осипова³, который считает историю письма самостоятельной лингвистической дисциплиной, имеющей отличный от истории письменности объект изучения, представляющий «эволюцию отношений между единицами языка и изображающими их графическими знаками» [9. С. 5]. В частности, данные мысли верифицируются статьей С.М. Кусмауль, посвященной развитию функций одного из диакритических знаков: внимание к графическому уровню языка позволяет автору указать на формирование не только собственно правописательных, но и грамматических норм [10]. Здесь также уместно вспомнить о сложившейся практике церковнославянского письма в отношении употребления некоторых дублетных букв, например о и ѿ, ѿ широкого и узкого, участвующих в разграничении ряда морфологических форм.

Внимание языковедов привлекают прежде всего оригинальные бытовые памятники, в которых максимально отражается язык и личность пишущего. К таким ЭГО-текстам относятся мемуары, дневники, письма, приписки на книгах. Актуальность подобных исследований обусловлена как общей слабой разработанностью вопросов графики и правописания в русистике [9. С. 7], так и единичностью лингвистических работ на материале старообрядческих памятников [11, 12], несмотря на то что буквы и надстрочные знаки в письменной культуре староверов могут выступать «показателями смысла» наряду со словами [13. С. 122].

При этом у беспоповцев, беглопоповцев – древлеправославных христиан, иже священства не приемлющих, старая книжность приобретает еще и особую дополнительную значимость. Эта мысль выражена в отрывке из Златоуста, помещенном в рукописном календаре из старообрядческой коллекции Томского областного краеведческого музея (ТОКМ, Ед.хр. 7110): *Гдѣ /повѣлелъ ѣсть пы/тати книгъ, но пы/танимъ нужна истиннаа зѣрѣ да ѡбѣщѣт / ѡцемаго, и сохрѣ/нѣт ѡбѣщѣ/маго.*

Материал и методология исследования

Материалом для анализа послужили два письменных памятника из состава так называемой Заимочной (Тиуновской) коллекции, обретенной в ходе археографических экспедиций на север Томской области в 1980–1990-е гг., – «Островной летописец» (ОЛ) и «Книга Пасхальная» (КП). Эти источники представляют варианты характерного для старообрядческой среды жанра дневников, продолжающих традиции местного общинного летописания. Являясь по своему содержанию хозяйственно-бытовыми памятниками, дневники одновременно свидетельствуют о высокой конфессиональной значимости этого жанра, что уже не раз отмечалось в научной литературе [14. С. 8; 15. С. 198], – их ведение носит сугубо прагматический характер в этой среде.

Во-первых, описание погодных условий напрямую связано с трудовой деятельностью «пустынножителей» и ее результатами, поскольку рациональное хозяйство для старообрядцев было одним из факторов реального выживания в ситуации таежной замкнутости⁴. Во-вторых, подобные регулярные записи в условиях самоизоляции – это еще и способ отслеживания календаря, счисления дат, которые имеют свою специфику у староверов. Так, в ОЛ используется два календаря – от Рождества Христова (Л. 5 об., 8 об., 12, 22 об. и др.) и от сотворения мира (Л. 11, 27, 28 об., 30 и др.), при этом указанные даты опережают общегражданский счет на 8 лет, поскольку старообрядцы страннического согласия считают последний «испорченным» и признают истинной разницу в летоисчислении в 5500, а не в 5508 лет [17. С. 264], что легко подтверждается таблицами пасхалий. Год для старца начинается с сентября (*нобѣе лѣто начинѣтсѣ зѣуѣс-ѣ. (7426 = 1926, т.е. 1918 г.) мѣсецъ сентябрь – Л. 19), граница суток – «наши» 18.00 (днѣ иі (18) часовъ споловиной ѡноцѣ ѣ (5) сполов.../ снѣце закатѣца еі (15) минѣтъ четвертова ѡходитѣ мѣ (45) минѣтъ д. (9-го) члѣ – Л. 16).* Женщина, считая года от Рождества Христова, продолжает сохранять разницу в 8 лет, называя 1956 год 1964-м, а 1975 – 1983-м и т.д.: *мѣсѣ. (1966 = 1958) года была пасха марта ѣа (31) (КП: 2). Есть основания считать год сентябрьским и для нее – напр., описывая праздничную неделю 1974 (1966) г., она как о событии текущего года сообщает о декабрьском «отходе» Марии, см.: *ѣнодѣ года была пасха марта кѣй; ѣнодѣ годѣ. мѣца декабря го числа. Этошлѣ сестрица**

мѣѣа наѣз ѡстѣвила (КП: 8 об. – 9). Осталось подчеркнуть, что не только в ОЛ, но и в КП даты соответствуют старому стилю календаря – с разницей в 13 дней по сравнению с гражданским.

Оба дневника выполнены в основном полууставом – тем типом письма, который признается старообрядцами единственно правильным и соответствующим духу древлеправославия, потому что этим шрифтом были изданы дореформенные книги, по их образцу они тиражируются печатным и рукописным способами и сейчас. Исполнение им текстов бытового содержания служит еще одним свидетельством и особой роли данного жанра в старообрядческой среде, и его традиционалистического характера, поддерживающих конфессиональную обрядовость как с позиций своего содержания, так и формы. В памятниках встречаются также начертанные скорописью отдельные буквы, слова, фразы или фрагменты слов и предложений, а в КП даже целая скорописная страница (4 об.)⁵, что демонстрирует частичное разрушение традиций полууставного письма.

Первый дневник представляет сшитые в тетрадь без обложки 36 бумажных листов с осыпавшимися краями. Размер блока – примерно 11×17 см. Текст занимает полных 66 страниц, на первых и последних 3 – «посторонние» записи, элементы простейшего орнамента, указывающие на пробу пера и чернил разного цвета. Письмо мелкое, выдерживается, хотя и не всегда, достаточно ровное направление строк, несмотря на отсутствие графления, что придает ему определенную аккуратность, разрушаемую в случаях всегда небрежных скорописных вставок (Л. 13, 24 об., 33, 34 и др.) или изменения размера букв (Л. 3 об., 25 и др.). На странице от 22 до 36 строчек – чем больше, тем обычно аккуратнее письмо. Дневник содержит описание погоды, сезонных изменений в природе, хозяйственных занятий общинников за 1915–1923 гг., исполнен мужчиной-севернорусом, возможно, Коноваловым Гавриилом [18. С. 184]. Хранится в фондах Томского областного краеведческого музея (Ед.хр. 7372).

Автор второго дневника – женщина, носительница среднерусского говора, сходного с местными кетскими говорами, предположительно Коновалова Наталья Федоровна, дочь племянника старца [17. С. 265]. Ее дневник представляет собой берестяную книжицу из 14 листов с верхней обложкой, частично сшитых, частично вложенных в нее; размер основного блока 15×17 см. Разлиновка страниц отсутствует, расположение чечевичек на бересте определяет направление строк, последние неровные, могут «съезжать» вниз или подниматься вверх к правому краю листа, что создает вид небрежного письма. Рефлексией по поводу его качества может служить фраза пробы чернил: *ини чернилы доверы норѣки...* (КП: 1). Текст начинается с оборота обложки и занимает 29 страниц – от 10 до 20 строчек на каждой, чаще всего их 14–16, написан карандашом (химическим и простым), а также пером – синими, черными и буро-красноватыми чернилами, часть процарапана острым орудием. Дневник содержит записи за 1956–1975 гг. – это описания дней Пас-

Столь же традиционен вынос согласных букв:

(8) пошли ѡрѣхн/ промышла ѥмолотн намотили ржы
кѧ̑ (24) пѧ̑а. пшеницы ѥі (15) вѣде/горохѧ̑. ѥі. (12) вѣдеръ
ѡбѧ̑ зї (17) вѣде/ ѥма ленноба ѥі (8) бедеръ. шишо/
наколотили .рѣі. (115) пѧ̑довокъ лнѧ̑/ рїі (150) снопико-
(ОЛ: 33 об.); ѧ̑тѧ̑жа стонь втораѧ̑ неделѧ̑/ все замержѧ̑
дождь ѥнианы вѣт/ (КП: 9). Выносятся практически
любые согласные, о чем свидетельствуют следующие
примеры: снегъ наплае (23), порепѧ̑ вычистили (21 об.),
сѣтрѧ̑ до- (17 об.) – ОЛ; ѡнѧ̑ (6), ѧ̑вечеро- заш/ла тѧ̑ча
згрома- ѥнианы вѣтро- (9 об.) – КП. Частотность выноса
той или иной согласной определяется ее востребован-
ностью на письме, что показывают подсчеты написа-
ний по материалам КП: м – 45, т – 42, л – 26, с – 16,
н/и, к – 11, н – 8, д – 5, г, р, х – 1. Стандартная позиция
выноса согласных – конец слова, обычно в конце
строки, что типично для полуустава. Традиционным
же являлся вынос согласного перед другим согласным
в середине слова, но у женщины это изредка возмож-
но лишь в сочетании с титулом, а мужчина последова-
телен только в выносе одной из двух повторяющихся
букв: масла ... леноба (19 об.), дожн/нки, дожнчо-
(24 об.), приежлѧ̑з (29), кроме случаев с удвоенным ш
(ншшо – 29 об., лншшшо – 28, шшюүчки – 15 об.) и ч (с
оччой – 12). В конечных словоформах строк старец
допускает единичные выносы согласных в середине
слова перед гласными и «заключительных» гласных
(чемыз/ – 6 об., ѥ. верша/ – 24 об.; ночь – 2 об., шинкон-
к/ – 13 об.), а также более одной буквы (добече/ –
18 об., наобывде-/ – 20 об.), что свидетельствует о вы-
нужденности подобных случаев аббревиации при от-
сутствии свободного места на странице. Эта же при-
чина сокращений в берестяном дневнике еще более
очевидна, так как данный материал самим фактом
наличия чечевичек и характером их расположения
ограничивал женщину в полных написаниях слов:
была паехъ апрѣ .гї./ ѥще гдѧ̑ побелѣ дожи доплѣхн/ все,
попогѡ̑аневеселѧ̑, ѧ̑ дѧ̑н/ снѣ перевалка, ѥ. весь день снѣ/ .гї.
дѧ̑н ѥночь ваин ѧ̑стѧ̑денѧ̑ (11 об.).

Вынос *ера* в виде паерка характерен прежде всего для женщины: *прывѣл, год, снѣг, вѣтр* (7) – до четверти всех позиций для конечного Ъ, так же она может маркировать характерные для нее еровые вставки в сочетаниях согласных (по аналогии с *кѣрочники, солнице* – 4 об., *сѣинце* – 1, *гоубѣда* – 6 об.): *мігл* – (6 об.). Старец прибегает к этому знаку крайне редко – исключительно в предлогах на согласный: *иззачтово што* (17 об.), поскольку весьма последователен в маркировке конца

слов *ером* (защериома медвѣдь занцова съелъ оукѣмѣки — 16), что соответствовало и дореформенным нормам гражданского письма. Для женщины мотивировка употребления конечного ера уже ослаблена (пишет его максимум в 40% требуемых случаев), более обычным для нее является выделение конца паерком или выносной согласной буквой (итакъ мое рѣше вѣщѣ — 9 об.), а порой и вообще никак не отмечает его: ѣ ѣ (5-й) день тѣбѣ/ мѣакъ ѣснѣгъ марѣѣ ѡчѣ кѣм ходил/ ѡвѣдал (8 об.) и др.

Интерес представляет суспензия – способ редукции конца слова, вызванный, без сомнения, простой нехваткой места для письма: напр., женщина всего лишь несколько раз не дописывает слова, практически всегда в конце строки (*и́негъ сырой балла пѣрь*/[алками] – 1; *и́гнакъ прожигли все праздни*/[ки] – 9 об.), а мужчина сокращает слова и в строке – тоже явно в силу экономии места (*а́ (30) сѣ́го а́пла і́накова оу́тро-малі́и*[енькой] до-[жик /жок /жичок] /*днѣ ѿбѣла*[ки] *и́теп*[о] *кѣече*[у] *выѣ*[нило] – 25 об.). Роль точки у него выполняют выносные конечные буквы, чаще под титлом: *картѣ*[ки] *огрѣ*[ли] (22), *маленк погрѣ*[ело], *дамáк*^Ѹ. *сно* *а́*[ов] (18 об.), *цѹ́ка по*-[ла] (16 об.), конопле пом[о]*и*[или] (19). Старец предпринимал попытку сокращения слов до первой буквы (такой прием называется «силь») – открывая записи нового (сентябрьского) 1918 г., он указал: *а́. па́тница .ч. тепѣрь бѣ́дъ писáть/ сáно́й бѣ́кою ѳ́ли дóшз да́з бѣ́дъ/ писáть добрò снѣ́гъ слово а́ бѣ́дро нечо/ не бо́дъ а́ малинкон дожжичок чѣ́ръ* (19), но далее этому обещанию он не следовал. У женщины эти приемы отсутствуют, хотя именно ее дневник демонстрирует отсутствие прочных навыков аббревиации, что выражается наличием разных способов сокращения ряда слов: *гáдъ* (7) / *гáдъ* (9); *слѣ́це / слѣ́нице* (1) / *со́ница / слѣ́ца* (7) / *солѣ́цъ* (9); *воскрѣ́ніа / воскрѣ́ние* (1) / *вокрѣ́ни*^е (5 об.) / *воѣ* (11 об.) / *воскрѣ́не* (14 об.), а также употреблением титла над несокращенными лексемами: *в́лгодарю в́га, госпóдь* (Л. 13), *фомно вокрѣ́и́enie* (Л. 9 об.). Последние случаи дают основание считать титлование еще и способом подчеркивания сакрального смысла маркированных этим знаком слов.

1.3. Употребление диакритиков. Оба автора используют единственный подстрочный знак – ь, обозначающий тысячу в датах, как было показано выше. Из надстрочных, помимо титл, встречаются два типа ударений (оксія/акут и варія/гравис), псили (звательце, дух) – показатель тонкого придыхания (ѣщє), сочетание псили и оксии – исо (ѣнна), псили и вари – апостроф (ѣ̇), а также краткая – над и. Первый акцентный знак в церковнославянском языке предписывается ставить над начальным или срединным гласным в слове, а второй – над конечным, что в целом соблюдается в наших рукописях: ѣ̇а. (1) гєнѣварѣ коуѣхѣта нагѣлаа волшѣ (ОЛ: 20); далєкѣ проковѣлаа (КП: 1). Отступления от этого правила выражаются: 1) крайне

редким его нарушением – прѣжѹ (ОЛ: 20 об.), но чаще вместо вариации ставится оксия (ѡрѣшѣнѣ – ОЛ: 32 об.; пошѣл – КП: 1); 2) частым отсутствием ударений в словах, особенно это характерно для КП: бѣзѣро побѣжала бѣдѣ из болѣта (ОЛ: 14 об.); ѡѹмина гѣстѣла дѣѹшка мана бечерѣ ѡѹшл[а] (КП: 1). Непоследовательно ставится краткая – прежде всего в местоименных окончаниях, что в большей степени характеризует ОЛ, ср.: болшон, млннннкон, маконкон, ттонннкон, неболшон, тѣмнннн и хорѣшннн, гѣѹтѣннн (ОЛ: 3 об.-4); ѡннннн, бѣселннн, гѣѹнннн, гырой, послѣднннн, внокой и бѣселннн, перкон (КП: 1).

Регулярность употребления диакритических знаков в различных источниках

Источ- ник	Количество позиций для окиси / реа- лизовано / %	Количество позиций для вариан / реали- зовано / %	Количество позиций для псили / реа- лизовано / %	Количество позиций для иса / реали- зовано / %
ОЛ	75 / 37 / 49,3	13 / 6 / 46, 2	10 / 9 / 90,0	10 / 9 / 90,0
КП	68 / 5 / 7,4	20 / 2 / 10,0	19 / 16 / 84,2	9 / 5 / 55,6

Реальная картина употребления диакритиков в записях за разные годы варьируется порой серьезным образом, но она в целом показывает как более последовательное отражение двойных знаков по отношению к одиночным в обоих дневниках, так и более частую постановку сил (акцентных знаков) в ОЛ по сравнению с КП.

Любопытно, что у женщины встретился еще и третий тип ударения, называемый периспоменой, обличенной или каморой, в особой функции который изначально предписывалось ставить над односложными словами (мѣѣ) или в их слитном употреблении с энклитиками (бѣѣже) либо проклитиками (дѣѣа), причем обычно не над гласными, а над согласными [10. С. 28–30]. В истории письма он также конкурировал с оксией и вариет в последнем и предпоследнем слогах, ограничивался в употреблении только слогами с долгими гласными, выразителями каковых в разных грамматиках признавались различные знаки [10. С. 32]. В частности, исследовательница отмечает определенное «тяготение» каморы к омеге [10. С. 40] – в КП именно над этой буквой стоит данное ударение в имени собственном: ѿгѣѣрѣѣкъ днь (5 об.), гѣѣсѣрѣѣа (9 об.), хотя на Л. 7 в этом слове над ней стоит исо (гѣѣрѣѣа), из чего можно сделать вывод о несформиро-

ванности навыка постановки данного знака у исполнительницы записей. У мужчины тоже можно предположить его следы (в ОЛ он выглядит как псили) над $\omega\psi$ и ω , причем не всегда в собственно ударной позиции, — как отголоски употребления облеченного ударения над долгими гласными в древнегреческих текстах: $\omega\lambda\kappa\alpha\iota\sigma\eta$ (4), $\phi\epsilon\iota\delta\omicron\rho\alpha$ (29 об.).

1.4. Редкие знаки препинания. Дневные записи в ОЛ короткие, чаще в небольшое предложение, занимающие обычно одну строку, в них использованы только точки и запятые, которые располагаются в середине высоты строки. Такое оформление позволяло старцу минимизировать употребление пунктуационных знаков, поскольку показателем границ информационных отрезков служили начало и конец строчки. Вероятно, поэтому он порой сокращает длину записи выносом слов, чтобы уложиться в строку: ѧ. (4) мѡрокъ и теплод тихо,/ ѥ. (5) ѡблочно бечеромъ быеннло/ ѥ̇ (6) ѣсно ѣморѡзникъ мы пришли — /ѥ̇ (7) ѣсно ѣморѡзъ аднѣмъ ѡбогрело. бокрысенья/ ѥ̇ (8) соутра̃ зачало засинивати ѣморозъ/ кзебечерѸ заморочало а ночью боуранъ/ ѧ. (9) весь днь синѣгъ шѡлъ ѥ—тепло витерокъ/ ѥ̇ (10) тепло ѣснежокъ лѣтѣлъ въсь днь рѣ/динкой. маєло блн ленно. средѧ/ (4 об.). Регулярность подобных записей позволяла опускать ограничительные точки (в некоторых случаях – запятые) при числобуквах – левую или обе, даты отмечались лишь титлом, как видно из последней иллюстрации.

Знаки в КП разнообразнее: точка, запятая, двоеточие и точка с запятой, которая в уже упомянутой рукописной азбуке из этой же коллекции называется «вопросительная». Они призваны вычленять смысловые куски текста, причем наибольшая системность в употреблении выявляется у первых двух знаков, функции которых близки к современным: *снегъ рослаа рано, лвесна/ стѹденаа. ѿ.* (17) *было вознесєнїе/ мы все ходїли вгости кѣтефанѹ/ та играло радко єтотѹ год пєтѹ/ вгости прилетѹа. ѿ ѿ стѹ веснѹ ры/вѹчала насєверно добыла .бї.* (12) */ шѹкѹ. пока єще слаба бѹѹ жнємї/ всє, нонабєрно послєднї гѹдѹ./таї вїднѹтѹ повєсмѹ; покако[нчила]писѹ; (10 об.).* Заметно, что женщина, как и мужчина, практически не ставит знаков в конце строки, который сам по себе делит информацию на части. Редкие двоеточия свидетельствуют о смене темы сообщаемой информации, а точка с запятой, как правило, завершает описание пасхальной недели: *єтотѹ годѹ февралѹ .ї.* (15) *ѡшѹла/ ѡнаѹ єттрица вѹсѹ наї ѡстабї/ мнѹа: вѹсѹ весна была стѹденаа, кѹ.* (27) */ толко началѹ ѡдєвѹтѹ лєсѹ нѹходнї /хлєба пока писѹть кончєлѹ; (7).*

1.5. Отсутствие знаков переноса. Собственно переносы (без особого знака) для ОЛ достаточно редки (1–2 на страницу), в абсолютном большинстве случаев – на гласный: *попа/длая*, *пше/нницы* (16 об.), *дожн/нки* (24 об.), единично – на согласный: *приш/ли* (23), *пог/лѣднн* (28 об.). Та же картина – в КП: *вверено* *во/скрѣнѣа* (6); *инѣ/гль* *ище* много, *праз/ники* (8), *интеп/ло*

1.8. Неотраженность мягкости согласного *ерем* в позиции перед другим согласным, что свойственно обоим авторам: *малѣнко, ма́конкой, болшон, силнаа, маленинко* (ОЛ: 2 об.—4); *маленко, впонедѣлникъ, болной, толко* (КП: 6–6 об.), ср. ее отражение в конце слова: *четверть, сыпалась, изморочь, весь дѣнь, морозить* (ОЛ: 4);

И пишется с двумя точками (поїєли – 14 об., черентїю – 30 об.), которые опускаются не только в предусмотренных церковной традицией позициях – с диакритиками (їней – 33, їанїх – 13 об.), в том числе с титлом при выражении буквой числового значения (її. морознїх спїлью – 20 об.), но и в «самовольных» случаях (братїа – 15, димитрію – 3 об.), что говорит о необязательном характере этого элемента для пишущего.

Почерк женщины существенно небрежнее, крупнее, начертание букв переменнее, вид некоторых из них может приближаться в отдельных словах к скорописному (м, а, и, ѣ, к, ф, я), что придает ее тексту черты яркого своеобразие, свойственного индивидуальной манере письма. Толщина вертикальных и горизонтальных линий у нее разнится меньше, чем у старца. Она часто не смыкает элементы букв: косые штанги в л, д, ѿ – друг с другом в верхней части, язычок буквы *есть* (є) в виде точки – с полуovalом, ук (Ѹ) пишет в три приема, когда нижняя часть не образует замкнутого овала или кружка (старец пишет его чаще единым росчерком), всегда отстает от штанги левая часть ж, иногда и правая, как и в случае с к, в. Мужчина пишет штангу в р прямой либо слабо закругляет нижнюю часть вправо – у женщины она всегда дугообразная, хвост дугой вправо имеет у нее и буква з. У старца в диграфе ѡу верхний элемент у равен по размеру о и штанга наклонена влево, а у женщины он существенно меньше и пишется нередко над о, а штанга скорее напоминает є. Ц в датах нередко принимает вид Ч (с прямой второй штангой), как это было принято в рукописях до XVII в., если это не ошибка в числовых значениях букв.

2.3. Использование графических дублетов. Кирилловский алфавит отличает дублетность ряда знаков: одни из них издревле существовали в нем, другие развились в практике письма (ѿ – ѡ – я; ѡу – Ѹ – ѹ). Сохранению дублетных букв в кириллице способствовало прежде всего выражение ими разных числовых значений, как в парах ѡ (6) – з (7); и (8) – і (10); о (70) – ѡ (800); ѡ (9) – ф (500). Со временем графическая дублетность преодолевалась их функциональной дифференциацией, что сохранило и первую группу графем, где цифровую семантику имела только одна из них (ѿ – 900) или же она стала общей для всех знаков (ѡу, Ѹ, ѹ – 400).

2.3.1. Ѣ – ѣ составляли дублетную пару только для старца, причем первая графема не имела ограничений в своем употреблении. В использовании же ѣ видится много случайного, поскольку правильному использованию этого знака в ОЛ соответствует его существенно более частое ошибочное применение или неприменение: съѣжой снѣгъ <...> ѡднѣмъ вѣсь рогателъ не толко на/землѣ ина снѣгъ рогателъ съѣжой (14); ѡлѣнъ вездѣ/снѣца съѣжѣтъ (19). Данное обстоятельство породило графические варианты лексем и словоформ типа ме-

сецъ – мѣсецъ – мѣсѣцъ (13–14), по рѣке – на рѣке – по рѣкѣ (10–11 об.) – на рѣкѣ (31), вѣрезовы (25) – вѣрезовка – вѣрезовка (32 об.) – вѣрѣзовка (35) и многие др. При этом проявляется явная тенденция употребления этой буквы в именном окончании род. п. мн. ч. – за редким исключением, без знака ударения (горѣтъѣй – 10, кѡлѣѣй – 11, днѣѣй – 18, гѡлѣѣй – 29, хотя есть и четвертей – 12 об.), а также вместо ѣ – повсеместно с оксией (днѣмъ – многократно, тѣмной – 2 об., лѣдъ – 11 об., черѣмѡхъ, доплѣнъ – 15 об., пѣрышки – 16, замѣрзлѣ – 18 об., днѣнъ – 25, рѣвѣтъ – 28 и др.), что позволяет соотнести такие написания с понятием узусальной нормы для пишущего. Ни разу он не использовал эту букву в начале корня: поѣхали, доѣхали, прїѣхали, горѡхъ ѣли (л. 10) и др., что также может свидетельствовать об избирательности в ее употреблении.

2.3.2. В ОЛ в употреблении дублетов ѿ – ѡ проявляется осознание старцем функциональной дифференциации букв: юс ставится после согласного (времѡ, напѡлн – 23 об.), а ѡ – в начало слова (ѡно – 13 об., ѡмоу – 9 об., ѡтчи – 33), после гласного (ѡакоу, стоахѸ – 36 об.) и ера (ѣ подѡѡка – 23). Однако наряду с правильным употреблением графем (ѡчмена – 22 об., ѡзѡ – 23, ѡгоды вѣе позѡели – 35 и др.) возможны и отступления от выявленной закономерности (выѡснѡвать – 10 об., ѡгочъ наѡрлн – 27). В дневнике женщины также существенно частотнее ѿ, причем в любых позициях – в абсолютном начале слова (ѡрка, ѡно – 1), после согласного (вѡки, наѡрлн – 6 об.) и гласного (каѡаѡтѡ, наѡѡѡще, доѡѡлѡ – 6 об.), тогда как ѡ она употребляет только в начале слов ясно, ясный. Они в полууставном написании встретились в КП 71 раз, из которых первая графема употреблена в 56 случаях, тогда как вторая – лишь в 15. В скорописи у нее представлен и третий, современный, графический вариант – ѡ. Личное местоимение оба автора безвариантно передают юсом, различие в написании возможно лишь за счет диакритиков или их отсутствия: ѡ, ѡ, ѡ (ОЛ), ѡ, ѡ, ѡ, ѡ, ѡ (КП).

2.3.3. Буквы зело (ѡ) и земля (з) обозначали некогда звуки разного происхождения, но их нивелировка произошла достаточно рано. Долгое сосуществование знаков в кириллице обосновано различиями в их числовом значении, которое было поддержано в старорусских азбуках списком слов, рекомендуемых писать через ѡ: ѡвѣздѡ, ѡвѣрь, ѡѡѡе, ѡѡѡъ, ѡѡѡй, ѡѡѡй, ѡѡѡ¹⁰. Мужчина наиболее последователен в употреблении этой буквы в наречии, именующем ее: дождѡ ѡѡѡ снѡленъ ... ѡѡѡ ѡѡѡ снѡленї (22), всего 12 случаев. Другой корень, в котором он использует графему, – это зол- (ѡла, ѡлѡтъ), созвучный с одним из слов списка: ѡѡѡ ѡѡѡѡѡ жѡлн (26), кѡжѡ полѡжлн вѡѡѡѡ (35 об.). На пять написаний существительного с ѡ приходится одно с з (11 об.), а дважды употребленный глагол

Если для мужчины ведущими графемами являются δ и σ , а ψ встречается единично, то для женщины при явном преобладании δ практически на равных употребляются σ и ψ . Ук она пишет во всех случаях ($\sigma\psi\delta$ - $\delta\psi\sigma$), напр.: $\delta\psi\sigma$ (8). Позиция для *ика* и *оника* – исключительно начальная, системы в их употреблении нет, ср.: $\sigma\psi\delta$ (8).

2.3.6. Во многом сходная картина в дневниках с употреблением *ω*, *ο* и *о* – так называемого широкого *ο* (омеги круглой). Первая графема в старорусской письменности употреблялась в начале слов и после гласных, позже правилами церковнославянского письма ее закрепили за предлогами-приставками *ο* и *объ*, суффиксом *-ο* в наречиях, в именных формах множественного числа – корнях, суффиксах и окончаниях, чтобы различать омоформы (говорить красно – солнце красно, единь рогъ – безъ рогъ, Ѹченикомъ (гордиться) – (сказать) Ѹченикомъ и т.д.). *О* было вариантом *ο* при обозначении числа 70, но с употреблением в начале слова стало восприниматься вариантом омеги, что наблюдается и в наших источниках. Так, в ОЛ наиболее частотной буквой является *ο* (*он*), типичная позиция для которой – после согласных: тонниинкон морочокъ, холодно маленько дожжичокъ, кноче быенноло (8 об.). *Ω* употребляется в начале слов – как в приставках (картовки ωгрѣли – 16 об., ѳзбы ѡбзкладыѣл – 26 об., Ѳзеро ѡчистилося – 25 об., ѡглизло – 7 и др.), так и в корнях (ѡнеаръ – 15 об., ѡрѣхи – 33 об., ѡкошки – 7, ѡпѣтъ – 5 об., ѡѹры – 25 об., ѡнь – 28), а также после гласных – в иноязычных именах (геѡ – 25, ѡанна бѣлова – 25 об.) и после предлогов на гласный (навмѣтѣ – 34 об., зѡвзєро – 25 об.). В начальной позиции омега нередко замещается широким *ο*: Ѧбрѣникъ – 12, .ѧ. ѡктябрьѣ ѡкошки затыли – 19, Ѳзеро ѡчистилося – 15, ѡблясокъ – 32 об., ѡнеаръ – 15 об., ѡблячно – 16 и др.), изредка – *ο* (*он*) (ѡзеро погниело, окошки затыли – 21, ѡenni пилили – 25), хотя в случаях с приставкой такие замены единичны (ѡчыѣ ѳзбу опшиѣл тегомъ – 26 об., Ѳзеро вокръкъ ѡбошли – 27 об.), ср.: около ѳзевъ ѡптаело – 13 об., лѣнь надѣновѣ ѡпрѣли – 19 об. В целом же из 294 слов на начальное *ο* – примерно в 8 случаях из 10 употребляются *ω* или *о*. Наиболее последовательно в ОЛ омега употребляется в лигатурном *от* – соответствующем предлоге и приставке: зчалло ѡберѣгл ѡедати лѣдъ (14 об.), а также ѡперѣгло ѳню (10 об.), ѡ .ѧ. декабрьѣ (4), ѡгѣле (5), ѡправламил (32 об.), ѡгвела (31), ѡмотыжилел (31), ѡжалилъ (22 об.) и др.

Акающий говор женщины не позволил ей в полной мере проявить графическое варьирование в данном случае: ѡратина, ахотники (1), ѳакошничка (2 об.), но есть все основания утверждать, что у нее прослеживается та же тенденция: *ο* употребляется повсеместно (ѧ ходила вгости – 8 об., ѡниню пришлоѣл петѣ ѳве ѡветѣ сказ – 5), а *ω* и *о* – в начальной позиции (ѡсталаѣл ѡдна коѹгома – 6 об., ѡче кѣм ходил ѡведѣл – 8 об., ѡсталаѣл ѡдна согтарницѣ болной – 6, березнички ѡдебаютѣл – 9 об.). Аналогично применяет женщина

2.3.7. Дублетными парами также выступали и и /і/, и и ѣ. Употребление *иже* (и десятиричного) в буквенной функции было ограничено дореволюционной, а ныне церковной орфографией позициями перед гласной и Й, а также некоторыми лексикализированными случаями (*міръ, їромъ, хрѣстїмъ, єпїскопъ, Хрістоуъ* и др.), поэтому буква встречается в наших памятниках нечасто. Так, старец довольно последователен в исполнении этих правил: *братѣа прїѣхали* (15), *вознесенїе* (8), *фє-рзарїн* (4 об.), *роукїн* (18), *.ѧ .їмаѧ* (27) и др., однако их нарушения тоже возможны: *ждемъ братню* (20 об.), *молинѧ* (18 об.), *хнѣѹзѧ* (21), *мохъ таскали їголѡбенъ брани* (33). Изредка он использует букву между согласными (*дрова пилїи* – 11, *воскрїсенїе* – 27 об., *зимовѧ пшеїца зацвела/ѧ бешна колоїтѣѧ зачала, дожїтокъ* – 30) и после гласного перед согласным (*землаїїнка поспела* – 30), в конце слова (*последні перышки бышли* – 30). С *иже* может начинаться одно из имен: *їоанна бїглова* (15), *їванъ ївановичъ* (13 об., 21), ср. *їванъ* (5 об.), *ивановичъ* (20 об.). Графические варианты допускают и некоторые другие слова: *їѧи* (15) – *єїѧи* (15 об.), *їней* (33) – *иней* (15), *їюнь* (8) – *июнь* (16 об.). В КП при явной тенденции употребления *иже* перед гласными и Й (*веселїѧ* – 6, *последній* – 7), отмечены и случаи замены ее на И в этих позициях, ср. *писала полѹченїе <...> нафомнно воскрїне* (1), *.ѩ їмѡѧ* (11 об.). Оба пишущих часто опускают краткую над и, тем самым делая эти графемы дублетами, в ОЛ: *бѸѨ писать одной бѸквои* (19) – *малѣнко прїгїтайвало* (14), *мін* (29 об.) и *мїй* (34 об.); в КП: *ѥй день веселын жсный* (1), *согтарїцян болнои* (Л. 6).

Выводы

1. Материал подтвердил высокую значимость для старообрядческой среды умения писать и читать «по-старинному» – в полууставной манере, ориентированной на книжные образцы священных текстов позднего старорусского письма. Этот тип записей, при всей их графической вариабельности, исполнен авторами дневников существенно аккуратнее встречающихся в проанализированных текстах редких скорописных вставок – крайне небрежных, плохо читаемых, что свидетельствует о приоритете полуустава для этого конфессионального сообщества.

4. Использование полустава в бытовых текстах служит дополнительным свидетельством конфессиональной значимости как собственно рукописания, так и создания памятников такого жанра: тип письма выступает не только маркером древлеправославной идентичности, но и выражением каноничности, важности внешне утилитарного произведения. Это позволяет увидеть в нем развитие летописного жанра, расцвет которого пришелся на дореформенный период и потому был воспринят старообрядцами как образцовый. Доказательством этому может служить распространенность подобных дневников в старообрядческой среде, типичные для летописи зачины записей¹¹, регулярный и клишированный характер последних, а также графическое оформление текста. Наблюдаемое подражание древней рукописной книге, внешние элементы которой (формат и разметка листов, слагаемые декора, тип письма) образуют ее паратекст [21. С. 77], допускает его выделение и у наших источников, что обосновывает введение понятий *конфессиональная прагматика текста*, *конфессионально маркированная лексика* / *грамматическая форма* / *графема*¹², требующее дополнительных изысканий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ «Это было строгое, почти вертикальное, четкое и убористое письмо, ориентированное на старопечатные шрифты, украшенное киновариантами инициалами с тонкими орнаментальными отрогками, иногда необычайно пышным» [2].

² «Почерк лучших гуслицких рукописей характеризуется пропорциональностью, красотой и некоторой вытянутостью букв. По сравнению с поморским полууставом он более крупный, с чуть заметным наклоном букв» [2].

³ «И всё же расценивать историю письма как главу палеографии было неверно: для этого в ней слишком много специально лингвистических вопросов» [9. С. 6].

⁴ В частности, публикаторы и исследователи Удорского старообрядческого дневника трех поколений семьи Рахмановых – Матевых – Палевых за 1858–1950 гг. (северо-западная территория Коми АССР) отмечают, что «стержнем повествования для авторов произведения являлись сведения, связанные с крестьянским земледельческим трудом, бытом, промыслами и т.п. В основном это календарные заметки фенологического характера, заметки о природных явлениях», подтверждающие или опровергающие связь разного рода примет с видами на урожай [16. С. 90].

⁵ Подобные написания при цитировании в статье передаются курсивом.

⁶ Под узальной нормой понимается «некоторая установка, существующая в сознании пишущего и устанавливаемая на основании узуса, но необязательно выдерживаемая в нем полностью» [9. С. 6].

⁷ На значимость этой стороны текстов указывал А.И. Соболевский в письме А.А. Шахматову: «Кажется, что переписчик списывает не особенно точно, т.е. опускает титла и надстрочные буквы пишет в строку. Вследствие этого желательно было бы, чтобы он при продолжении работы (пусть он продолжает и списывает другой №, указанный мною) был бы более точен и сохранял по возможности все особенности оригинала» (цит. по: [19. С. 10]).

⁸ Если не считать таковой общую небрежность сибирского письма, неоднократно отмечаемую исследователями.

⁹ Ср.: *кѣлѣкѣебъ день* (КП: 2 об.).

¹⁰ *словоу кѣлѣкѣебъ и слово и слыхъ пиши сѣлоу* [13. С. 123].

¹¹ Напр.: *въ лѣто 7374, мѣца генварѣ* / *въ кѣи днь перешли совѣсемъ жить* / *надѣнаебѣ, ѡнаѡзерѣ* / *жѣли ѣи, лѣтъ* (ОЛ: 32); *начинаебѣа нѡвое лѣто 7374. мѣца сентѣбрь четвѣртѡкъ* (ОЛ: 11).

¹² Выявляются на сопоставительной основе по типу *ѡмы ѣще пока жѣке* / *кѣе трѡе сколь гдѣ тѣстѣ жѣтѣа* (КП: 9).

ЛИТЕРАТУРА

1. Лихачёв Д.С. Интервью 28.11.2006. URL: <http://edinslavie.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=546> (дата обращения 1.04.2021).
2. Каширина В.В. Орнамент старообрядческих рукописей. Поморье. Гуслицы : учеб.-метод. пособие. М. : Зетапринт, 2015. 56 с. URL: <https://starove.ru/news/issledovanie-ornament-starobryadcheskih-rukopisej-knigopisnye-shkoly/> (дата обращения 20.03.2021).
3. Бураева С.В. Книжно-рукописная традиция старообрядцев Забайкалья : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2006. 45 с.
4. Дутчак Е.Е. Полевая археография : учеб.-метод. пособие. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. 100 с.
5. Поздеева И.В. Книжность старообрядческого Верхокамья : истоки, читатели, судьбы. URL: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/99-1-0-429> (дата обращения 15.03.2021).
6. Волкова Т.Ф. Литературное творчество усть-цилемских крестьян в контексте печорской рукописно-книжной традиции: XVIII–XX вв. : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2012. 27 с.
7. Подтуркина Е.А. Художественное оформление старообрядческой рукописной книги гуслицкого письма XVIII – XX вв. : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М. : МГУП, 2013. 26 с.
8. Есипова В.А. К вопросу об эволюции графики письма сибирских документов XVIII–XX вв. // Сибирские исторические исследования. 2017. № 4. С. 46–68.
9. Осипов Б.И. Судьбы русского письма: История русской графики, орфографии и пунктуации. Москва : Изд-во ИРЯ РАН ; Омск : ИЦ «Омский научный вестник», 2010. 320 с.
10. Кусмауль С.М. Эволюция функций знака каморы в богослужебных изданиях конца XVI – перв. пол. XVII в. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. III: Филология. 2017. Вып. 51. С. 21–47.
11. Старикова Г.Н. «Женские записки» старообрядческой коллекции : к проблеме единства содержания и формы текста // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2011. Т. 10, вып. 9 : Филология. С. 35–39.
12. Толстова Г.А. Полуустав в XXI веке (письма Агафьи Лыковой в собрании Красноярского краевого краеведческого музея). 2-е изд., перераб. и доп. Красноярск : ЛИТЕРА-принт, 2011. 140 с.
13. Бойко Е.С. Значимость надстрочных знаков в письменной культуре староверов // Кириллица – латиница – гражаница / под ред. Т.В. Шмелевой. Великий Новгород, 2009. С. 120–126.
14. Керов В.В. «Щета убытка и прибытка...» : хозяйственная книжность старообрядцев как форма конфессиональной письменной-книжной культуры // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 1. С. 7–14.
15. Старикова Г.Н. Отражение конфессионального дискурса в дневниках старообрядцев // Вестник НГУ. Серия : История, филология. 2013. Т. 12, вып. 2 : Филология. С. 198–202.
16. Старообрядческий центр на Вашке. Устная и письменная традиция Удоры. Материалы и исследования / ред. и сост. А.Н. Власов. Сыктывкар : Изд-во Сыктывкар. ун-та, 2002. 251 с.
17. Мальцев А.И. «Книга пасхальная» – берестяной старообрядческий дневник за 1956–1975 гг. // История русской духовной культуры в рукописном наследии XVI–XX вв. Новосибирск : Наука, 1998. С. 263–272.
18. Приль Л.Н. «Островной летописец» // Труды Томского государственного объединенного историко-архитектурного музея. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1995. Вып. VIII. С. 183–232.
19. Астахина Л.Ю. Лингвистическое источниковедение и историческая лексикология // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. III: Филология. 2008. № 11. С. 7–17.
20. Карский Е.Ф. Славянская кирилловская палеография. Л. : Изд-во АН СССР, 1928. 495 с.
21. Семенова Н.В. Паратекст древнерусской книги // Кириллица – латиница – гражаница / под ред. Т.В. Шмелевой. Великий Новгород, 2009. С. 77–87.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 12 сентября 2021 г.

Graphics of Old Believers' Domestic Manuscripts in the Aspect of Confessional Traditionalism

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 470, 39–49.

DOI: 10.17223/15617793/470/5

Galina N. Starikova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: gstarikova@yandex.ru

Liu Si, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: liu.si644@yandex.ru

Keywords: graphics; late semi-uncial; script traditions; Old Belief; confessional traditionalism.

The article substantiates the introduction of the problem of graphics into linguistic research. The research material was two diaries of Tomsk Old Believers written by a man (in 1915–1923) and a woman (in 1956–1975) in the late semi-uncial. These texts have graphic and content archaic elements. They use a specific chronology, the September year, the overnight boundary (the generally accepted 6 p.m.). These and some other features are considered as symbols of confessional traditionalism. The material confirms the high significance of the late semi-uncial, which follows book samples of the sacred texts of the late Old Russian writing, for Old Believers. Notes in this script, with all its graphic variation, are much neater than the rare cursive inserts, extremely sloppy and hardly readable, in the analyzed texts. This indicates the priority of the semi-uncial script for this confessional community. The texts reflect such traditional features of the late semi-uncial as the alphabetic numeral system, frequent concatenation, various abbreviations, diacritics, simplified punctuation, broken geometry principle of writing, proportionality of graphemes, their angularity, the absence of hyphenation and some letters (ж and ѳ), changes in writing letters. The comparison of graphics from the diaries written in different time periods showed its simplification in the woman's diary. The woman is inconsistent in the use of the final hard sign; she uses superscripts rarely and inconsistently, etc. All these features show us the influence of the cursive on the late semi-uncial because some graphemes in her texts are clearly comparable to the civil cursive. The influence of the civil script and the erosion of the tradition of the semi-uncial one is the evidence of the poorly differentiated use of graphic doublets, the significantly greater functional load of the civil versions of the letters, errors in the titling of words, as well as the absence of the Yat letter in the woman's alphabet. The use of the semi-uncial in domestic texts is the marker of the confessional significance of the handwriting and texts of the genre. It allows clarifying the development of the chronicle genre, which flourished in the pre-Reformation period and which Old Believers consider an exemplary one. This can be proved by the prevalence of such diaries in the Old Believers' environment, the beginnings of records typical for chronicles, the cliched nature of the records, as well as the graphic design of the text.

REFERENCES

1. Likhachev, D.S. (2006) *Interv'yu* [Interview]. [Online] Available from: <http://edinoslavie.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=546> (Accessed: 1.04.2021). (In Russian).
2. Kashirina, V.V. (2015) *Ornament staroobryadcheskih rukopisey* [Ornament of Old Believers' manuscripts]. Moscow: Zetaprint. [Online] Available from: <https://starove.ru/news/issledovanie-ornament-staroobryadcheskih-rukopisey-knigopisnye-shkoly/> (Accessed: 20.03.2021).
3. Buraeva, S.V. (2006) *Knizhno-rukopisnaya traditsiya staroobryadtsev Zabaykal'ya* [The Book and Handwritten Tradition of Old Believers of Transbaikalia]. Abstract of History Dr. Diss. Ulan-Ude.
4. Dutchak, E.E. (2018) *Polevaya arkheografiya* [Field archaeography]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Pozdeeva, I.V. (n.d.) *Knizhnost' staroobryadcheskogo Verkhokam'ya: istoki, chitateli, sud'by* [Old Believers' Books in the Upper Kama Region: Origins, Readers, and Fates.]. [Online] Available from: <https://samstar-biblio.ucoz.ru/publ/99-1-0-429> (Accessed: 15.03.2021).
6. Volkova, T.F. (2012) *Literaturnoe tvorchestvo ust'-tsilemskikh krest'yan v kontekste pechorskoy rukopisno-knizhnoy traditsii: XVIII–XX vv.* [Literary Works of Ust-Tsilemsk Peasants in the Context of the Pechora Manuscript and Book Tradition: 18th–20th Centuries]. Abstract of Philology Dr. Diss. Yekaterinburg.
7. Podturkina, E.A. (2013) *Khudozhestvennoe oformlenie staroobryadcheskoy rukopisnoy knigi guslitskogo pis'ma XVIII–XX vv.* [Artistic design of the Old Believers' manuscript book of Guslitsky script of the 18th–20th centuries]. Abstract of Art History Cand. Diss. Moscow.
8. Esipova, V.A. (2017) On the evolution of graphic styles of siberian documents written in the XVIII to the XX centuries. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 4. pp. 46–68. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/18/4
9. Osipov, B.I. (2010) *Sud'by russkogo pis'ma: Istoriya russkoy grafiki. orfografii i punktuatsii* [The Fates of Russian Writing: History of Russian Graphics, Orthography, and Punctuation]. Moscow; Omsk: Institute of the Russian Language of the Russian Academy of Sciences; Omsk Scientific Bulletin.
10. Kusmaul', S.M. (2017) Evolyutsiya funktsiy znaka kamory v bogoslužebnykh izdaniyakh kontsa XVI – perv. pol. XVII v. [The evolution of the functions of the camora sign in liturgical publications of the late 16th – first half of the 17th centuries]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. III: Filologiya*. 51. pp. 21–47.
11. Starikova, G.N. (2011) "Women's notes" of the Old Believers' collection: The problem of the unity of the content and design of the text. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 10 (9). pp. 35–39. (In Russian).
12. Tolstova, G.A. (2011) *Poluustav v XXI veke (pis'ma Agaf'i Lykovoy v sobranii Krasnoyarskogo kraevogo kraevedcheskogo muzeya)* [Semi-uncial in the 21st century (Agafia Lykova's letters in the collection of the Krasnoyarsk Regional Museum of Local Lore)] Krasnoyarsk: LITERA-print.
13. Boyko, E.S. (2009) Znachimost' nadstrochnykh znakov v pis'mennoy kul'ture staroverov [The Significance of Superscripts in Old Believers' Writing Culture]. In: Shmeleva, T.V. (ed.) *Kirillitsa – latinita – grazhdanitsa* [Cyrillic Script – Latin Script – Citizen Script]. Velikiy Novgorod: Novgorod State University. pp. 120–126.
14. Kerov, V.V. (2013) Loss and Profit Accounts: Economic Bookishness of Old Believers as Form of Confessional Written and Book Culture. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 1. pp. 7–14. (In Russian).
15. Starikova, G.N. (2013) The Reflection of Confessional Discourse in Old Believers' Diaries. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*. 12 (2). pp. 198–202. (In Russian).
16. Vlasov, A.N. (ed.) (2002) *Staroobryadcheskiy tsentr na Vashke. Ustnaya i pis'mennaya traditsiya Udory. Materialy i issledovaniya* [Old Believers' Center on the Vashka River. The oral and written tradition of Udora. Materials and research]. Syktyvkar: Syktyvkar State University.
17. Mal'tsev, A.I. (1998) "Kniga paskhalnaya" – berestyanoy staroobryadcheskiy dnevnik za 1956 – 1975 gg. [The Paschal Book: A birch bark Old Believers' diary of 1956–1975]. In: *Istoriya russkoy dukhovnoy kul'tury v rukopisnom nasledii XVI–XX vv.* [History of Russian Spiritual Culture in the manuscript heritage of the 16th–20th centuries]. Novosibirsk: Nauka. pp. 263–272
18. Pri'l', L.N. (1995) Ostrovnoy letopisets [Island chronicler]. In: Dmitrienko, N.M. (ed.) *Trudy Tomskogo gosudarstvennogo ob'yedinenogo istoriko-arkhitekturnogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk State Unified Historical and Architectural Museum]. Vol. VIII. Tomsk: Tomsk State University. pp. 183–222.
19. Astakhina, L.Yu. (2008) Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoricheskaya leksikologiya [Linguistic source study and historical lexicology]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Ser. 3: Filologiya*. 11. pp. 7–17.
20. Karskiy, E.F. (1928) *Slavyanskaya kirillovskaya paleografiya* [The Slavic Cyrillic paleography]. Leningrad: USSR AS.
21. Semenova, N.V. (2009) Paratekst drevnerusskoy knigi [Paratext of the Old Russian book]. In: Shmeleva, T.V. (ed.) *Kirillitsa – latinita – grazhdanitsa* [Cyrillic Script – Latin Script – Citizen Script]. Velikiy Novgorod: Novgorod State University. pp. 77–87.

Received: 12 September 2021